

Азат Абдуллин, автор известных пьес «Тринадцатый председатель», «Последний патриарх», размышляет о хлебе и земле, гражданском долге и мужестве, позиции литератора в перестройке.

— Азат Хаматович, одна из ваших пьес — «Белое море» — рассказывает о жизни сотоводов, тонностях его ремесла, мироощущении. Откуда у вас, городского человека, эти познания?

— Родина там, где прошло детство и юность. Судьба распорядилась так, что я рос среди людей, занятых отгонным скотоводством, среди табунщиков и пасечников Южной Башкирии. По роду своей профессии они вроде бы и в коллективе и вне его — во многом завысят от себя, от трудолюбия, упорства, честности. Лицемерия не приемлют. Оно, как волна, вернется и ударит по тебе же.

Характером у складом ума степники своеобразны. Может, потому они смогли сберечь в себе черты справедливой воли и терпения. Многие в их поведении, мироощущении я впитывал, слушая мирный говор моих сородичей, окруженный их лаской. Бродил с ними по горам, где зыбь ковыля, розовые всполохи вишен и странная, щемящая мелодия степи, которая доносилась весть откуда, — все вызывало раздумья; они по полной растворимости в природе длились годы, а по своим откровениям — один миг. Я замирал, видя, как стрелой летит ястреб на добычу, с каким великодушным кормят вороны раненых собратьев, удивлялся, какой синей бывает роса по утрам и как цветы горят радугой, и как летят пчелы за взятком.

— Будем считать это лирическим отступлением от нашей темы...

— Не отступление. Хочу пояснить мотивы, которые навсегда связали с крестьянством. Да и просто научили труду, терпению.

Каждое утро мы первым делом осматривали копыта телят, чтобы удостовериться, не завелся ли там какой паразит; как огня избегали сырых пастбищ и луговин, изрытых сусликами, чтобы не ели траву вокруг норок, не схватили кишечную болезнь. Поутру пасли там, где растут тысячелистник, пижма, зверобой, рваная полынь — ценные лекарства не только для людей. К осени животные набирали вес, а с первым снегом все собралось на благословенный праздник убоя скота.

Много откровений было в те годы! Сообщал ли своим сородичам: «Сейчас я видел, как стая воробьев убила коршуну». И они дополняли: «А сколько воробьев убило коршуну раньше? Они объединялись только после того, как случилась беда...» Вопросал ли я их: «А пчелы в цветы? Они вроде бы используют друг друга, но и те в другие плодородны. Отчего так?» — Они развизали: «Пчелы с любовью лезут к цветам. И что было своего в цветах — разгорается в десятках раз». Ах, вот в чем дело... когда союз жидется на любви — он плодосовес и бесковечен.

Нам бы только помнить, почитать их открытия и продолжать их дело. Но где там! Мы теперь скрываем потери от самих себя. Я часто теряюсь от писем ко мне земляков.

«Открыли у нас звероферму, отобрали из моего табуна сто восемнадцать лошадей и скармлили лисам! А скоро звероферму закрыли: это дело вести не умеем, остался перед выбором — махнуть рукой что ли? Потом себе говорю: а чем лошади-то провинились? Они же редкой породы. Сама себе корм из-под снега добывают! Нет, ты предателем будешь, если покинешь их и сдашься. Я-то постою, но и ты не дремлай, скажи, где слово, милый». Это старый табунщик.

«И решил я оставить пасеку. Но кому? Тут же пчелы особенные, чисто башкирские, мед их мировую славу напел, по трудолюбию им нет равных. Погуби завтра вся пасека — мало кто дрогнет. Забыли, что землю в цветущий сад превратили не в последнюю очередь пчелы. Так что, считай, я их заложник». Это пасечник.

Видите, их забота не деньги, не свое благополучие, а ценности повыше. В них, в их абсолютной добродетели видится мне высокая духовность народа. И хочу лишь одного, чтобы они повторились в своих детях.

— Ваша широко известная пьеса «Тринадцатый председатель» и ее продолжение — «Последний патриарх», которые поставлены во многих театрах нашей страны и за рубежом, а сегодня с успехом идут как драмы в башкирском академическом театре драмы, посвященном судьбе колхозного крестьянства. Сейчас о колхозе высказываются разные суждения. Как вы считаете, оправдан ли он себя как система хозяйствования? Или что-то с ним произошло?

— Ответ на такой вопрос для меня должен быть результатом наблюдения, обдумывания, анализа, а не стремления придать ему пропагандистский характер или же найти для себя сегодня приемлемую позицию. Подойду к вопросу пока с одного бока, но очень существенного.

Колхозы, мы помним, рождались в муках, крови.

Умные и предприимчивые председатели еще давно — кто интуитивно, а кто оглядываясь на опыт и традиции предков — догадывались и задумались: нельзя ли крепче спаять объект с моделью, воздействуя на него дополнительной силой и трудом? Оказалось, можно. Так появились подсобные промыслы. Труд в колхозах стал круглогодичным и разнообразным.

Круглогодичный труд принес дополнительные деньги. А раз есть деньги, можно строить жилье, объекты культуры

и быта, асфальтировать дороги, те дороги, что были и сейчас еще остаются нашим национальным бедствием. Не осталась не затронутой и мораль.

Разнообразный труд дал возможность предоставить колхозникам, особенно девочкам и женщинам, работу по душе. Возьмем группу девочек. Одну из них бог одарил такой физической комплекцией, поднять ей ведро с молоком — раз плюнуть. А другая — хрупкая, как стеклышко, но зато — золотая душа, умница, и руки ласковые. Они ведь тоже нужны, для кого-то мило! Таким же девочкам на селе кройку да шитье, скажем, дубленок из тех овечьих и телячьих шкур, что нередко гниют на складах, или музыкальные школы, или собирать детали радиоприемников, фотоаппаратов, как это делают в Прибалтике в союзе с заводами Ленинграда.

Те умные, предприимчивые председатели колхозов далеко смотрели. Они хотели, чтобы девочки не изломались на тяжелой физической работе, не потеряли красоту, вкус к жизни и стали бы добрыми матерями, стойкими женами. А есть ли что более великое в жизни, чем взрастить стойких жен и добрых матерей?

шим председателем колхоза И. Снимщиковым.

В. Конотоп: «Говорят, ты задумал у себя в колхозе создать какой-то рай...»

И. Снимщиков: «Рай не рай, Василий Иванович, но к аду не стремлюсь. В некоторых же колхозах области суший ад».

Второй разговор — после исключения Ивана Андреевича из партии.

В. Конотоп: «Ты мог быть Героем Труда, но тебя погубил твой характер».

И. Снимщиков: «Если бы характер был иной, то и колхоз был бы другой, и тогда я не был бы Героем. Так что выбирать не из чего...»

Добродетельные люди более уязвимы, чем порочные. В своих мучителях они непременно хотят видеть хоть какие-то достоинства. Такое качество напрочь отсутствует у порочных. Больше всего иные руководители не хотели признать, что строптивые председатели, такие, как И. Снимщиков, не устраивают их как ивакоживущие. Это противостояние поставило многих председателей в лобовую оппозицию. Дальше все решалось произволом.

Нынче даже в высоких сферах бытует философия: таланты редки, надо исходить из реальной жизни, будем ориентироваться на средних. Ориентируясь на средних, непременно получишь результат ниже среднего. Это закон жизни. Трудно поверить, что-

коррупционером? Коррупция — один из сильнейших разрушителей общественной и политической системы.

— Ваша точка зрения на закон и справедливость, на мой взгляд, весьма спорна...

— Видя, созная раздвоенность судей, люди заражаются ею, воспринимают ее как неотвратимость ножа, рассекающего их души на две части. А это страшнее коррупции.

Сказанное мог бы отнестись к словам В. Конотопа: «Тебя погубил твой характер». Иначе говоря: ты хотел жить одной моралью, нераздувно, вот и не стал Героем. Как же это действовало на других, субъективно честных, характером слабых? Знаю председателей в Московской области, которые, вздохнув и крикнув, сдавались, смирились. Отклонение от своего «я», отказ от своего голоса, самостоянья вызвали у совестливых конфликты в душе; они пытались избавиться от них, но конфликты уходили в подсознание, подтачивали их, потом при случае давая о себе знать. Со страдания тут недостаточно. Гложет что-то другое...

— Недавно вас избрали секретарем правления Союза писателей Башкирии. В каком состоянии сегодня башкирская драматургия?

— Национальных драматургов, помимо состояния драматургии, заботит сегодня положение в их республиках, особенно автономных. Трудности, конфликтные ситуации тут

сили в себе сложный клубок эмоциональных состояний, воодушевляющих дух и оплодотворяющих ум. Вот, скажем, санитарка в больнице в мирное время. Ее функция — элементарная помощь и утешение. Это, конечно же, немало. Но спасение больного — не ее задача. Иное дело санитарка в бою, она — боец. Ей присущи все человеческие чувства: тревога и страх, радость и благодарение, когда смерть проносится рядом, боль и отчаяние, когда падает солдат, и ее миссия — спасти его, и у них теперь одна судьба — выжить вместе или вместе умереть.

Не задумываясь над подобным состоянием, не так-то просто понять и неординарного человека. Ну, скажем, такого, как В. Бедуля — председатель колхоза из Брестской области. Твердое в отстаивании дела, которое доверили ему люди, ударяющий по болтуну, бюрократу жесткий сарказм и снижение к ошибке простака, каленая ярость перед лжедом и щедрая помощь доярке в беде, задохнувшееся сердце от подлости пахара и трогательный отклик на просьбу иди на похороны старика. Это нашими глазами сморит человек. Настоящий, невдуманный.

Живуча та драматургия, у которой, как и у цветов, «богата душа». Это я напоминаю прежде всего себе. А молодым драматургам готов передать, что знаю.

Моя покойная мама мне часто говорила: «Копи, сынок, работай, покупатель всегда найдется. Не беги продавать то, что узнал, сделал. Добейся того, чтобы к тебе прибегали». И ее слова во мне не вызвали сомнений.

— В годы застоя вы как драматург не молчали, а создавали нынешней перестройке еще до официального ее провозглашения. На что, на какую тему начелено теперь ваше внимание? В чем сложности для вас сегодня?

— Ключевые события нашей истории, роль в ней политических лидеров сейчас в центре общественного внимания. В некоторых сложных переломных моментах истории мы сильно запутались. Но сложности не только в этом. Лица, и ушедшие, и уходящие, не вышли из своей жизненной роли. Они продолжают жить в памяти.

После каждой революции, как, впрочем, и в ходе их, очень важным становится обретение чувства меры. Меры возмездия и милосердия, власти и решительности, меры в разрушении старого.

В свете этого несколько поражают утеря меры в самобичевании, нагнетании страстей. На прошедшем Всесоюзном совещании драматургов в Москве прозвучало мнение, что «мы оказались недостойными свободы, которая нам теперь предоставлена». Свобода — это не только осознанная необходимость, как принято считать, но, думаю, и осознанная возможность. Что же, мы оказались в таком положении, что не в силах даже осознать свои возможности? Нынче в печати читаем и о нашем «духовном рабстве». Говоря о «духовном рабстве», надо уяснить хотя бы для себя, что это такое. Оно означает подчиненность людей власти поскотски, абсолютную их пришибленность, выпрямить которую невозможно в жизни одного поколения. Пружина духовного, духовной силы народа закаляется веками. В контексте исторического бытия эту пружину, даже при извращении общественных, нравственных отношений в течение десятилетий, все же не в силах сдвинуть пресс. Сошлюсь на пример своего народа, на его дух, проявленный в военные годы, когда он тысячами и тысячами писем обратился к башкирскому правительству, приглашая к себе украинцев, попавших в беду. И два миллиона украинцев башкиры взяли под свое крыло. Духовность народа — в осознанном его сочувствии и помощи другому народу в его бедственный час. Такая духовность вдруг не начинается и так быстро не обрывается. Уничжи- тельное обращение с народом скорее симптом духовного нездоровья.

Чтобы народ выработал у себя настоящее гражданское и политическое сознание, необходимо, чтобы он, несмотря на все тяготы прошлого, мог высоко ценить себя. Откажи- те ему в этом — судьба его уже заведомо предрешена.

Жизнь всегда открывала поле действия разным силам. На какую из них опереться — за этот выбор несли ответственность и политические лидеры, и лучшие умы Отечества. От этого выбора зависело, будет ли их жизнь оправданной, а смерть вознагражденной. Пьеса, в которой эти силы полуют не только психологическое, но и историческое, социальное объяснение, думаю, вызовет споры.

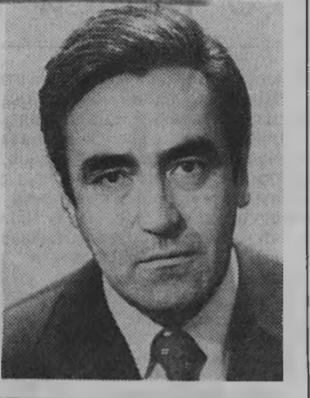
В нашем народном эпосе «Кузы-курпес» есть слова обращенные к певцам: «Взойди на высокий холм, чтобы поведашь истину». Понятно, это символ. Во все времена народные певцы — поэты-импровизаторы, художники слова — воззвещали о том, о чем думал и мечтал, на что надеялся их народ. А это предполагало незакабаленность мелкими страстишками, душевную открытость, смелость. С высоких холмов разносились песни, воспевающие уму, как будто передавали горячие угли — из ладони в ладонь.

Вот тогда музыкой и правом художника становится голос мужества.

Беседу вел В. ПРОКУШЕВ. г. Уфа. Фото И. Александрова.

НАШ СОБЕСЕДНИК: драматург Азат АБДУЛЛИН

Оглянитесь на Отечество

Эти председатели, выясняя условия, при которых может быть решена исходная задача, раскладывали ее на отдельные подзадачи, способствующие ее полному решению. Но были умники-чинovníки, в их поведении раскрывалась вся структура их души: вкус к жизни, не потеряли красоту, святые настроения — зачем так усложнять жизнь? Тем председателям — они противопоставили свою философию: толкать крестьян на то, чтобы защищали деньги побочным делом, — значит развращать их, отучать от земли. Экономика, мол, должна быть обеспечена идеологически. Они оказались сильнее.

Что же в итоге? К. Маркс более ста лет назад глядел, как в воду, сказав: какой бедой будет для России, если пятьдесят миллионов населения ее европейской части в течение шести или восьми зимних месяцев остались бы без занятия, когда прекращаются полевые работы. (Маркс К., Энгельс Ф., Полн. собр. соч. т. 24, стр. 272. М. 1961). Вопрос этот занимал и В. И. Ленина. Представим себе колхоз как объект с моделью, в виде квадрата, который углами изнутри упирается в круг. Круг — его модель. Подсобные промыслы и были той дополнительной силой, которая могла спаять объект с моделью — моделью колхоза, правовочного жить по высшей своей конституции — по своему уставу. Задушив подсобные промыслы, сокрушили как бы боковые стороны квадрата, которые я бы назвал: «Труд» и «Любовь». В каждом из них заключена совокупность тем. Сколько тем в одной лишь «Любви! Труд» по любви, по способностям и желаниям, труда круглогодичного, стабильного — вот чего лишились крестьяне, особенно женщины, девочки, которых гнали и все гоним только в коровник. Так в российских селах парни остались без вестей. Конечно, дело не в подсобных промыслах главным образом. Возьмите всю систему отношения к деревне: капитальные вложения, все не так, как надо. Все делу крестьянскому, общегосударственному — во вред. И все с благими намерениями, с широкообещающими многообещающими лозунгами. Печать об этом писала, к ее чести, много. Тревогу била. И я выступал на эту тему. В «Правде», в частности. Моя боль за судьбу колхоза, наверное, тем и объясняется, что я видел многие процветающие хозяйства, которые создали дух коллективизма, динамичную форму ведения артельных дел. Потому мне понятны признания сотни колхозников, переживших войну: «В колхозах мы не только выращивали хлеб, мы учились вместе бороться!» Я за то, чтобы в деревне утвердились все формы социалистической собственности. Но что колхозы были не в последнем ряду.

— Отчего же все-таки умные, талантливые председатели не смогли победить? Все не смогли!

— Сначала ответу на первый вопрос. Приведу два разговора бывшего первого секретаря Московского обкома партии В. Конотопа с быв-

шим председателем колхоза И. Снимщиковым. В. Конотоп: «Говорят, ты задумал у себя в колхозе создать какой-то рай...» И. Снимщиков: «Рай не рай, Василий Иванович, но к аду не стремлюсь. В некоторых же колхозах области суший ад».

Второй разговор — после исключения Ивана Андреевича из партии. В. Конотоп: «Ты мог быть Героем Труда, но тебя погубил твой характер».

И. Снимщиков: «Если бы характер был иной, то и колхоз был бы другой, и тогда я не был бы Героем. Так что выбирать не из чего...»

Добродетельные люди более уязвимы, чем порочные. В своих мучителях они непременно хотят видеть хоть какие-то достоинства. Такое качество напрочь отсутствует у порочных. Больше всего иные руководители не хотели признать, что строптивые председатели, такие, как И. Снимщиков, не устраивают их как ивакоживущие. Это противостояние поставило многих председателей в лобовую оппозицию. Дальше все решалось произволом.

Нынче даже в высоких сферах бытует философия: таланты редки, надо исходить из реальной жизни, будем ориентироваться на средних. Ориентируясь на средних, непременно получишь результат ниже среднего. Это закон жизни. Трудно поверить, что-

возникают, когда культурная политика строится на догматизированных концепциях, утверждающих иерархию наций в зависимости от статуса: союзные, автономные республики, области и так далее. Такое разделение, тем более независимое от уровня материальных и духовных достижений регионов, от степени их вклада в экономику страны, ныне не отвечает реальностям жизни. Посудите сами: объем товарной продукции Башкирии составляет 17,5 миллиарда рублей, что намного выше, чем в отдельных союзных республиках. А выделяется ей из общесоюзного бюджета в расчете на душу населения раза в четыре меньше, чем союзным республикам.

Возьмем, скажем, издательства. Союзные республики даже с меньшим, чем в Башкирии, населением, имеют их по пять-шесть, а тут — одно. Мы много чего не имеем — по статусу не предусмотрено. Нити национальных связей должны сойтись на таком пространстве, где нации создавали бы себя не в будущем полагаемыми, а сегодня равноправными членами Союза.

Равенство и равноправие — понятия разные. Сознание равенства у человека заложено изначально. Нет различия, какая мать — русская или аварская, еврейская или киргизская родила его, он принадлежит человечеству. А вот равноправие — это то, что привносится извне, государством. Реализацию сознания равенства в правах должно гарантировать общество.

Что касается состояния башкирской драматургии... Несколькими годами назад я работал некоторое время сотоводом у моего сородича. Чтобы побыть в его шкуре. Однажды пришли старые горожане спросили его: «С весны до осени ты на джайлау один. Не давит ли тебя одиночество?» Земляк мой ответил: «Когда начинает давить — я с цветами разговариваю». — «Да ты шутник», — те посмеялись над ним. Тогда он им: «А вы мне вот скажите, почему цветы и печальны, задумчивы, и притяливы, открыты?» И, видя, что тем нечего ответить, заключил: «Потому, что они живут из самих себя. У них богатая душа. С ними поговорить можно».

Драматургия — не бесстрастное летописание. В ней есть еще воздух поэзии, философичность, выражение сокровища в людях, о существовании которого они в себе и не подозревали. В ней есть и постижение тайн воспоминаний, одухотворяющих или отчуждающих нас от жизни, и распада личности, когда-то весьма одаренной, творческой, и ее духовного воскресения. Драматургия вечна судьбой человека, горе и гнев которого не ушли в землю, как молния, а поднялись звездой, чтобы осветить время и многие истины. Она жива глубиной сострадания ему и силой впечатлений, которые носят в себе зритель, читатель. Нельзя понять искусство Чехова, Чаплина, не выяснив, какая разнородность нежности, чувственной привязанности, любви и тоски отражается в зеркале их пьес и фильмов.

Люди, которых мы по праву называем борцами, которых иногда, может, и не понимали, считали «не от мира сего», но-